

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3

С.В. ХОМЯКОВ

ОБРАЗ УСТАВЩИКА В ДОКУМЕНТАХ ВЛАСТЕЙ И ОПИСАНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА БУРЯТИИ (конец XIX – начало XX века)

Ключевые слова: *Отечественная история, документы властей, религия, церковный раскол, идентичность, старообрядчество, единоверчество, уставщик, антирелигиозная политика, советское общество.*

Для старообрядческого населения Бурятии, начиная с его появления в регионе, острой необходимостью принимала задача сохранения древлеправославной веры и религиозного единства – по его мнению, залога спасения души и вечной жизни. В условиях отсутствия (либо статусного непризнания) священников, проводников в вероучении и посредников между мирянами и Богом, основные обрядовые функции выполняли здесь уставщики, выбираемые населением и не признаваемые в качестве духовенства официальной церковью.

В качестве задач статья рассматривает вопрос об оценках исследователей рубежа XIX–XX вв. роли уставщика в жизни рядового старообрядца, что позволило бы полнее выявить ее значимость для общности. Также, анализируя документы царской и советской власти, статья ставит вопрос о различиях между ними в границах контроля и допускаемой юрисдикции уставщиков, что даст дополнительные сведения о неодинаковом видении в их фигурах потенциальной или явной угрозы проводимым мероприятиям, что, безусловно, было продиктовано конкретной политикой. Отсюда целью работы является анализ образа уставщика в исследованиях миссионеров Русской православной церкви и ученых конца XIX – начала XX в., а также в документах властей, что позволит глубже понять связь его статуса с целостностью специфичи общности и ее защиты от внешнего воздействия. Объектом исследования является статус уставщика в старообрядческих селах Бурятии, предметом – оценки его деятельности со стороны ученых и властных структур.

В качестве основных выводов можно сказать, что с учетом авторитета и значимости в поселениях поле деятельности уставщиков уходило гораздо шире отправления треб и толкования священных книг. Уставщики оказывали принципиальное влияние на повседневную жизнь человека, в условиях отсутствия альтернативного мнения навязывали свое в вопросах медицины, а также образования и нравственного воспитания молодежи. Поэтому неудивительно, что их деятельность являлась предметом особого интереса со стороны исследователей, побывавших в селах старообрядцев Бурятии на рубеже XIX–XX вв. и видевших в уставщиках главных хранителей не только религиозной, но и культурной идентичности старообрядчества. По этой же причине они же привлекали негативное внимание официальной власти, желавшей ослабить их авторитет (царская власть обосновывала это возвращением раскольников в лоно православной церкви, революционная – необходимостью построения единого советского общества).

Статус уставщика, как связующего элемента религиозной идентичности старообрядцев, привлекал активный интерес исследователей в разные временные периоды. Заметки миссионеров РПЦ XIX в. Д. Куликалова, К. Люкшина [8, 12], исследования А.М. Селищева [15] дают возможность изучить (сквозь призму острой критики) деятельность уставщиков в дореволюционный период, а работы А.М. Поповой, А. Добромислова и А. Долотова [10, 11, 13] – в раннесоветский. Как предмет исследования их работы будут охарактеризованы далее. Практически все современные исследователи старообрядчества

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9.

(Ф.Ф. Болонев, С.В. Васильева, М.О. Шахов [1, 2, 16] и др.) при изучении отдельных аспектов темы дают компетентные оценки феномену уставщика, дистанцируясь от традиционного негативного восприятия, связанного с определенным политическим вектором.

Ключевое значение в контексте новизны работы имели заметки исследователей и очерки о жизни старообрядцев, а также распоряжения, донесения и предписания властей, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Забайкальского края и Государственном архиве Иркутской области. Они позволили детально рассмотреть образ старообрядческого уставщика и поле его деятельности с целью выполнения задач исследования.

Сравнительно-исторический метод, сопоставляющий стороны различных явлений и выявляющий общие и особенные черты, нашел свое применение при анализе заметок исследователей и документов властей царского и советского периода соответственно. Историко-генетический метод, изучающий изменения явления во времени, использовался в оценках деятельности и позиции уставщиков в разные временные периоды.

Одними из последствий церковного раскола середины XVII в. стали вынужденное расселение противников реформ Никона по России и зарубежью и их постепенное дробление на различные толки и согласия. К началу XX в. в Бурятии старообрядцы были в основном поделены на признающих сан священника (поповцы) и не признающих его (беспоповцы). Последние следовали тому положению, что «каждый христианин есть священник», а оно вытекало из слов одного из ранних деятелей христианской церкви Иоанна Златоуста: «Сами себя освящайте, сами себе священники бывайте» [1. С. 33], и проводили необходимые религиозные обряды с помощью уставщиков, выбираемых из числа наиболее опытных односельчан.

С учетом же крайней нехватки старообрядческих священников у поповцев, а также постоянного властного надзора за случаями появления в их селах беглых православных попов и следующего за этим их ареста необходимость в уставщиках (обычно выполняющих там роль помощников попов) была и у них. В пример Ф.Ф. Болонев приводит обособившееся от поповцев согласие часовенных. «Из-за отсутствия священников уставщики вели богослужения, крестили, исповедовали и причащали верующих в часовнях» [1. С. 33]. Неоднозначное положение старообрядческих уставщиков, вызванное их неофициальным статусом и несомненным авторитетом среди населения, провоцировали к ним интерес исследователей старообрядчества как в имперский, так и в раннесоветский период.

Прежде всего необходимо выделить донесения и работы посланных в Забайкалье миссионеров Русской православной церкви, которые примечательны прежде всего заметками о быте старообрядцев. С учетом их основных целей (разведка религиозной обстановки, планы по устранению раскола) отношение миссионеров к уставщикам, а часто и ко всем старообрядцам, подчеркнуто негативное (что расходилось с мнением гражданской власти о качествах переселенцев). В рапорте священника Димитрия Куликалова (служившего в Мухоршибирской волости) епископу Иркутскому Евсевию от 1857 г. с негодованием упоминается, что уставщики волости считали законным проведение ими обрядов, так как «...по рассказам их, при прежних беглых попах, имеют от сих беглецов благословение с возложением руки на тре-

боисправительство» [12. Д. 4637. Л. 24–24об.]. По мнению миссионера, только страх перед уставщиками препятствует переходу раскольников в законную церковь, и по итогу они продолжают жить в своеволии и несчастье, «...отправление богослужения в частных домах, кража чужих дочерей на блудный брак, уклонение многих единоверцев в раскол, которые в своих действиях теперь обращаются к уставщикам» [12. Д. 4637. Л. 24–24об.]. Также, видя препятствие в уставщиках и в деле просвещения раскольников, Куликалов отмечает: «Не получившие никакого образования и преданные своими уставщиками, раскольники слепо верят им, охотно остаются во тьме, избегают света» [12. Д. 4637. Л. 25–25об.].

В монографии миссионера К. Люкшина «О расколе Забайкальского края», пребывавшего в селе Бичура в 1898 г., приводится мнение и о недостаточных для богослужения знаниях у уставщиков: «Наставники их люди в писании несведующие, знающие только в какое время, что можно вкушать в пищу и сколько поклонов творить, о главном же они совершенно забыли» [8. Д. 416. Л. 3]. Как такая ситуация могла способствовать искажению понимания веры у рядовых старообрядцев, показывают их ответы исследователю А. Добромыслову три десятилетия спустя: «...обычай-то которые уже успели и позабыть, а веру в Бога храним...обычай-то забыли, а веру в Бога не тронь» [10. Д. 92. Л. 12].

Профессор А.М. Селищев, побывавший в 1919 г. в селах Верхнеудинского уезда, также отмечает силу мнения уставщиков и их категоричное отношение к нововведениям. «Они решительно восстают против открытия школы, угрожая отлучением от общины: “...не буду хоронить, не пущу в церковь, в молитвенный дом”» [15. С. 12]. Он же отмечает и глухой протест со стороны людей по отношению к ним, в особенности молодежи: «...справшники училища нам не дают, у церкву пускать не будут» [15. С. 14]. Профессор отмечает и категоричное отношение уставщиков к медицине, хотя и здесь население начинает сопротивляться им: «Обратиться к врачу – большой грех. Уставщики используют здесь слова одного старообрядческого рукописного сборника от 1798 г. “...лучше есть в нездравии пребывать, нежели ради пременения немочи в несчастье впасти”. В Тарбагатае имеется больница и вопреки ругани и анафемствованию уставщиков больными старообрядцами она посещается» [15. С. 14].

В целом исследователи царского периода единодушно критикуют роль уставщиков в жизни старообрядцев (идеализирующих быт предков XVII–XVIII вв., но постепенно забывающих сущность веры и обрядов), что продиктовано как интересами самих миссионеров, так и объективными наблюдениями. Однако при этом ими признавалось определяющее значение уставщика в сохранении единства и целостности общин.

Исследования старообрядцев советскими учеными 1920-х гг. во многом повторяют выводы предшественников (особенно А.М. Селищева), с учетом же проводимой властью антирелигиозной политики идет значительное углубление критики уставщиков. А.М. Попова, бывшая в с. Тарбагатай в 1928 г., в духе текущей действительности делает вывод о том, что только советская власть дала возможность молодым старообрядцам жить по-новому, окончательно связав уставщиков со всем старым, отжившим и ненужным: «Молодые люди и в дореволюционное время рвались из-под власти отцов и дедов – рвались к свету и знанию, но духовная власть их уставщиков накладывала тяжелую руку на каждое расхождение с мертвой буквой свято-отеческих пре-

даний и только революция дала исход накопившейся с давних пор жажде знаний и свободы» [11. Д. 141. Л. 6].

А. Долотов в работе «Старообрядчество в Бурятии» за 1931 г., соглашаясь с точкой зрения А.М. Поповой, также отмечает неистребимое отношение уставщиков к обучению: «...в школе пионеры – дети антихриста, с ними нельзя вести дружбу...там рисуют чертей...в школе кресты снимают...отдашь ребенка в школу, а из него там безбожника сделают» [13. С. 37]. Указывается и ответная реакция уставщиков на притеснения властей, чего не было в предыдущие годы, когда вместо открытых призывов к неповиновению уставщики способствовали фактическому невыполнению предписаний: «...советская власть глумится над нами, но Бог этого не простит...на земле царствует антихрист, отпускает все по печати; скоро будут везде ставить печать – и на лице, и на правой руке» [13. С. 33–34]. Степень враждебности и критики обуславливается максимальным темпом всесоюзной агитации против религии и в целом, его работа представляет собой перечень оснований для раскулачивания и репрессий старообрядческого духовенства, так как приводится конкретная оценка действиям уставщиков как «скрытых врагов»: «С октября 1929 года по март 1930 года отеклось от сана 18 уставщиков. Большинство их снятием с себя сана решили показать себя “революционерами”, завоевать симпатии к себе со стороны бедноты и притупить их бдительность, чтобы продолжать вести антисоветскую агитацию» [13. С. 38].

Немногочисленные работы ученых этого периода во многом становятся базовыми для теоретического обоснования кампании по устранению уставщиков (как и иных атрибутов традиционализма) из жизни старообрядцев Бурятии, уничтожения их культурной и религиозной идентичности, общинной целостности.

Переходим к рассмотрению документов властей, посвященных уставщикам. Анализируя разнообразные документы периода второй половины XIX – начала XX в. (циркуляры департамента общих дел Министерства внутренних дел, секретные предписания Главного управления Восточной Сибири, распоряжения военного губернатора Забайкальской области, донесения Верхнеудинских окружных исправников), можно сказать, что царская власть старалась решить вопрос с раскольниками умеренными способами, понимая положительные эффекты для экономики от слаженного труда многочисленных и крепких общин старообрядцев Забайкалья. Однако при попытках воздействия на эту категорию населения (посредством закрытия часовен, призыва перехода в единоверчество, а в отдельных случаях и запрета на молитвы в частных домах) власть обнаруживала мобилизацию населения вокруг фигур уставщиков, которые настраивали людей на пассивное сопротивление (к примеру, постоянные прошения с отказами от документального учета), искали, принимали и становились первыми помощниками для беглого православного духовенства. Кроме того, сами уставщики и их помощники-начетчики активно противостояли нововведениям, прежде всего касающимся образования и просвещения (в особенности для молодежи), считая это вредным явлением и угрозой для стабильного состояния традиционного быта старообрядцев (как и все внешние воздействия). Это видно из отчета Куналейского волостного правления за 1899 г.: «Жители волости детей своих обучают словесной грамоте через особых начетчиков, исполняющих по их вероятно требы, и то в самом ограниченном числе, об общем же образовании нисколько

не заботятся, так как по их понятиям при развитии в их среде образования может поколебаться их вероучение и религиозность и тем самым ослабить их верование» [7. Д. 7833. Л. 6–6об.].

Это вынуждало администрацию к мерам негласного контроля за местонахождением лиц, которые явно и потенциально являлись главным препятствием как для краткосрочных целей (ведение метрических записей, распространение просвещения и медицины в селах), так и для долгосрочных (переход раскольников в единоверчество и православие). Об этом свидетельствует секретная переписка одного из Верхнеудинских приставов и волостных старшин за 1911 г.: «Поручаю доставить сведения о всех лицах старообрядческого духовенства с указанием их сана или должности и в каких селениях они проживают» [5. Д. 146. Л. 20], «...представляя настоящее распоряжение имею честь донести господину приставу 2-го стана Верхнеудинского уезда, что уставщиком старообрядцев в селении Харитоновском состоит крестьянин этого селения Василий Петров Шитин, в селении же Верхнежиримском состоит уставщиком Иван Дмитриев Васильев, крестьянин этого селения, проживают каждый в своем селении» [5. Д. 146. Л. 20об.].

Кроме того, царская администрация проявляла активный интерес и к повседневной деятельности уставщиков, стремясь к детальной осведомленности, о чем говорит донесение Селенгинского уездного начальника в Забайкальское областное правление от 1913 г. «...как видно из донесения того же пристава, все 87 человек, живущих в Кибалинском и 40 человек в Ключевском, уставщика для исполнения треб приглашают из селения Жиримского Тарбагатайской волости Верхнеудинского уезда, и при совершении религиозных обрядов свеч и ладана не употребляют, остальная же часть старообрядцев селения Ключевского в числе 70 человек имеют своего уставщика, от которого принимают таинства причащения, крещения и другие, и при исполнении обрядов употребляют свечи и ладан» [4. Д. 5042. Л. 72–73].

Как видно из донесения, уставщики как единственно возможные организаторы обрядовой деятельности требовались независимо от толка и согласия верующих, кроме того, в волостях ощущался явный их недостаток, что создавало необходимость в их приглашениях из села в село и обо всех перемещениях местная власть сообщала в г. Верхнеудинск. Это являлось обычной бюрократической практикой и в предыдущие годы, так как специфическое отношение со стороны царской власти к старообрядцам всей Российской империи предполагало не только пристальное наблюдение за уставщиками и активными представителями общин на уровне областей и губерний, но и передачу сведений о их приезде в другие города с целью покупки книг и предметов культа. По мнению властей, существовала вероятность, что эти поездки производились с целью поиска православных священников, согласных на переезд и проведение необходимых раскольникам обрядов.

В отношении начальника московской сыскной полиции Верхнеудинскому окружному исправнику за 1887 г. отмечаем: «Вследствие отношения от 10 сентября сего года за № 1210 Управление сыскной полиции имеет честь уведомить ваше высокоблагородие, что, как дознано, крестьяне Ермолай Зайцев и Потап Егоров прибыли в Москву 28 сентября и проживали в доме Моисеевой, 2-го участка Рогожской части, цель их приезда приобрести староверческие книги и иконы, в чем им содействовал Николай Иванов Тюрин, который занимается покупкой и продажей староверческих книг и икон, а иногда

и доставляет раскольникам беглых православных священников, но был ли доставлен Тюриным беглый священник Зайцеву и Егорову – дознать не представляется возможным» [б. Д. 3061. Л. 24–24об.]. Нельзя не отметить прочные связи между старообрядцами, проживающими в разных частях империи (зачастую состоятельными и имеющими влияние), готовыми помочь приезжающим к ним крестьянам-единоверцам.

Кроме того, эти связи распространялись и за пределы Российской империи, так как многочисленные общины старообрядцев, распространяющих богослужебные книги и в России, находились за границей, прежде всего в Белой Кринице и Буковине (Австро-Венгрия). Вполне вероятно, что уставщики забайкальских семейских-поповцев отправлялись (или отправляли посланников) именно туда, о чем волостные старшины немедленно информировали власть: «Во исполнение предписания за № 779, Никольское волостное правление с представлением настоящей переписки имеет честь донести его высокоблагородию господину Верхнеудинскому окружному исправнику, что по справке в волостном правлении оказалось записанными по книге выдаваемых паспортов 1886 года от 1 сентября за № 233, выдан с годичным сроком паспорт крестьянину Хонхолуйского селения Лазарю Иванову Варфоломееву, с которым, он как из надписи Хонхолуйского сельского старосты за № 219 видно, уехал с родины Российской империи для закупа староотеческих книг» [б. Д. 3061. Л. 15–15об.].

В целом, анализируя документы царского периода, можно сказать о достаточно либеральном подходе местной власти по отношению к уставщикам, которые по факту свободно занимались проведением обрядов, без ограничений отправляли людей из общины (либо ехали сами) в европейскую часть России или зарубежье (если это заканчивалось покупкой книг), их авторитету в поселениях власть не препятствовала, ограничиваясь контролем за соблюдением законов и предписаний для раскольников.

В 1920-е гг., после окончательного установления советской власти и провозглашения Бурят-Монгольской АССР, партия проводит в республике общегосударственную политику атеизации. Соответственно отношение к духовенству в целом и к старообрядческим уставщикам в частности с каждым годом становится все более враждебным. В отличие от мероприятий царской администрации, которые находили свое выражение в строгом учете количества, мест проживания, перемещений и контроле деятельности уставщиков (при фактической легализации их деятельности), советские органы власти ведут полноценную пропаганду, ударяющую по их репутации и статусу. Активно продолжив начавшуюся со стороны общественности 1900–1910-х гг. (донесения о состоянии здравоохранения и образования в семейских селах) критику традиционной вовлеченности уставщиков в нерелигиозные вопросы (связанные с повседневной жизнью общины) [З. Д. 1134. Л. 9–10], где их знания зачастую оказывались недостаточными, а позиция сомнительной (отказ от борьбы с эпидемиями, негласный запрет обучению грамоте и просвещению), большевики получили возможность назначить их виновниками отсталости от общественного и культурного прогресса.

Для теоретического и практического обоснования своей позиции партийные структуры в основном использовали охарактеризованные труды научных сотрудников Института культуры БМАССР (А. Долотов) и итоги полевых экс-

педиции в села (А. Попова, А. Добромыслов), также для этого широко применялась периодическая печать (в «Бурят-Монгольской правде» печатались статьи, выставяющие уставщиков как пьяниц, мошенников и чревоугодников) [14. С. 2]. В качестве официального документа можно выделить очерки о старообрядцах Забайкалья специально созданного отдела пропаганды и агитации Бурят-Монгольского обкома ВКП(б). Прежде всего уточнялась интерпретация должности уставщика. «Уставщиком может быть каждый обыкновенный крестьянин, не посвященный в духовный сан, умеющий хорошо читать по-церковному, знающий святое писание. Из треб он может выполнять только крещение, погребение и напутствовать умирающего, венчать он не может, не может также приготовить причастие» [9. Д. 961. Л. 18].

Если в документах царского периода прослеживается регламентация деятельности уставщиков, дается оценка происшествиям с их участием, то в этих очерках основной целью (учитывая проводимую политику) является критика целесообразности самого наличия уставщиков в общинах. «Главными носителями старины и руководителями семейских были “уставщики”. Они были и есть страшное зло в семейских селах, губя всякое живое начало и заставляя своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве. В настоящее время большинство семейских еще находится под таким гнетом, но уставщики уже теряют понемногу свое назначение, хотя еще крепко держась за свою власть и оказывая сопротивление всем полезным начинаниям семейских. Боясь ответственности перед советскими органами, они не действуют прямо, а через семейских, через родню и свои приверженцев. Распускают слухи о конце мира, о печати антихриста, о роковом числе 666 и т.п.» [9. Д. 961. Л. 14].

Таким образом, кроме широко применяемого для укрепления власти метода по формированию образа общего для государства и населения внутреннего врага большевики старались размежевать старообрядцев по принципу «уставщик/поколение родителей» (отживший быт, отсталость, религиозные предрассудки) и «комсомол/молодое поколение» (новые возможности для жизни в строящемся советском обществе, свобода выбора). Так как большинство пожилых старообрядцев действительно считалось с мнением уставщиков о революции, новой власти и начавшемся техническом прогрессе – как предпосылках конца света (в отличие от молодежи, на которую был сделан основной упор пропаганды).

В качестве результата отмечаем изменение либерального подхода (контроль и наблюдение) власти по отношению к уставщикам на более радикальный (удар по репутации), что дало возможность как установления ограничений в их деятельности, так и легализации последующих в 1930-х гг. репрессий духовенства.

Заключение. Рассматривая донесения миссионеров Русской православной церкви и заметки исследователей старообрядчества Забайкалья разных десятилетий, можно отметить их единодушное отрицательное отношение к институту уставщиков как главному препятствию окончания раскола либо культурного прогресса. Признавая обоснованную критику уставщиков как противников светского образования и медицины (что в итоге отбросило старообрядцев назад в уровне грамотности и спровоцировало разгул эпидемий оспы и тифа в селах), нельзя не сказать о собственном видении устранения про-

блемы у наблюдателей, зачастую находящих решение за самих старообрядцев. В одних случаях влияние уставщиков прекращалось бы полным переходом раскольников в православие, в других – отказом от религиозного мировоззрения и лояльности к советской власти (что в дальнейшем привело не только к многочисленным репрессиям духовенства, но одновременно и к вымиранию традиционного быта и идентичности старообрядцев, что считалось однозначным благом). Между тем слабые темпы перехода в единоверчество в Забайкалье (еще с XIX в.), а также постоянные попытки реставрации старообрядцами своей культурной специфики в современности говорят о том, что полномасштабная исследовательская критика уставщиков и сохраняемых ими старых устоев была во многом неоправдана и подчинялась создавшейся конъюнктуре.

Охарактеризованные документы царского периода позволяют сделать вывод о более рациональном отношении к ситуации с раскольниковством. Лояльность (по сравнению с советским периодом) существующей на тот момент юридической базы по отношению к старообрядцам (тенденция к послаблению, особенно после указа 1905 г. о веротерпимости), достаточно пригодные для религиозной жизни ограничения указывают на понимание властью роли уставщиков как одних из хранителей не только старого быта, но и общественного спокойствия, что, безусловно, было для нее важнее.

Советская власть, преследуя конечную задачу по гомогенизации общества, пыталась всеми силами прекратить изолированное состояние старообрядцев, для чего искореняла старые устои и всячески поддерживала желание части населения «жить по-новому», абсолютизируя понятие отсталости как на фигуру уставщика, так и на всю старообрядческую культуру, что объективно привело к ее сильнейшему упадку.

Литература и источники

1. *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. 148 с.
2. *Васильева С.В.* Старообрядчество Западного Забайкалья и вероисповедная политика государства XVII – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 168 с.
3. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1134.
4. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 5042.
5. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 337. Оп. 1. Д. 146.
6. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3061.
7. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 7833.
8. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 416.
9. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 961.
10. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 565. Оп. 1. Д. 92.
11. ГАИО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 141.
12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4637.
13. *Долотов А.* Старообрядчество в Бурятии. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с.
14. Прodelки старообрядческого попа // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 46, 27 окт.
15. *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1920. 88 с.
16. *Шахов М.О.* Философские аспекты староверия. М.: Третий Рим, 1997. 205 с.

ХОМЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Россия, Улан-Удэ (khomyakov777@yandex.ru).

Sergey V. KHOMYAKOV

**THE IMAGE OF THE RITUALIST IN THE DOCUMENTS OF THE AUTHORITIES
AND DESCRIPTIONS OF RESEARCHERS OF THE OLD BELIEVERS OF BURYATIA
(late 19th – early 20th century)**

Key words: Russian history, documents of the authorities, religion, Church schism, identity, old believers, co-religionists, ritualist, anti-religious policy, Soviet society.

For the Old-Rite population of Buryatia, since its appearance in the region, the task of preserving the old Orthodox faith and religious unity – in their opinion, the key to the salvation of the soul and eternal life – became an urgent necessity. In the absence (or status non-recognition) of priests, guides in the faith and intermediaries between the laity and the God, the main ceremonial functions were performed by ritualists chosen by the population and not recognized as clergy by the official Church.

As tasks, the article examines the issue of assessments made by researchers of the 19th – 20th centuries concerning the role of a ritualist in the life of an ordinary Old Believer, which would give the opportunity to better identify its relevance to the community. Also, analyzing the documents of the tsarist and Soviet rule, the article raises the question about the differences between them within the boundaries of permissible control and admissible jurisdiction of ritualists, which will give more information about the different vision of their potential or obvious threats to the events, which certainly was dictated by a particular policy. Hence, the aim of this work is to analyze the image of a ritualist in the studies of the Russian Orthodox Church missionaries and scientists of the late 19th – early 20th centuries, as well as in the documents of the authorities, which will enable to better understand the relationship of his status with the integrity of the community specifics and its protection from external influence. The object of the study is the status of a ritualist in the Old Believer villages of Buryatia; the subject is assessments of its activities by scientists and government agencies.

As the main conclusions, it is possible to say that, taking into account the authority and significance in the settlements, the ritualists' field of activity was much wider than the practice of worship and interpretation of the Holy books. The ritualists had a fundamental influence on the daily life of a person, in the absence of an alternative opinion, they imposed their own one in matters of medicine, as well as education and moral education of young people. It is not surprising that they were the subject of special interest of researchers who visited the villages of Old Believers of Buryatia at the turn of 19th – 20th centuries and saw ritualists as the main custodians of not only religious but cultural identity of the Old Believers as well. For the same reason, they attracted negative attention of the official authorities, who wanted to weaken their authority (the tsarist government justified this by returning schismatics to the bosom of the Orthodox Church, the revolutionary government – by the need to build a unified Soviet society).

References

1. Bolonev F.F. *Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv.* [Old believers of Transbaikalia in the 18th and 20th centuries]. Novosibirsk, Fevral Publ., 1994, 148 p.
2. Vasil'eva S.V. *Staroobryadchestvo Zapadnogo Zabaikal'ya i veroispovednaya politika gosudarstva XVII – nachalo XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Old believers of Western Transbaikalia and religious policy of the state: XVII – early XX centuries. Cand. Diss.]. Ulan-Ude, 2000, 168 p.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya. Fond 1. Op 2. Dokument 1134* [State Archives of the Trans-Baikal territory. Archives 1. Anagraph 2. Document 1134].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya. Fond 1. Op 1. Dokument 5042* [State Archives of the Trans-Baikal territory. Archives 1. Anagraph 1. Document 5042].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 337. Op. 1. Dokument 146* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 337. Anagraph 1. Document 146].
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 337. Op. 1. Dokument 3061* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 337. Anagraph 1. Document 3061].
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 337. Op. 1. Dokument 7833* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 337. Anagraph 1. Document 7833].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 262. Op. 1. Dokument 416* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 262. Anagraph 1. Document 416].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 961* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 961].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 565. Op. 1. Dokument 92* [State Archives of the Irkutsk region. Archives 565. Anagraph 1. Document 92].

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 565. Op. 1. Dokument 141* [State Archives of the Irkutsk region. Archives 565. Anagraph 1. Document 141].
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 50. Op. 1. Dokument 4637* [State Archives of the Irkutsk region. Archives 50. Anagraph 1. Document 4637].
13. Dolotov A. *Starobryadchestvo v Buryatii* [Old believers in Buryatia]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1931, 52 p.
14. Prodelki starobryadcheskogo popa [Games of the old believer priest]. *Buryat-Mongol'skaya pravda*, 1923, no. 3.
15. Selishchev A.M. *Zabaikal'skie starobryadtsy* [Trans-Baikal old believers]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1920, 88 p.
16. Shakhov M.O. *Filosofskie aspekty staroveriya* [Philosophical aspects of old belief]. Moscow, Tretii Rim Publ., 1997, 205 p.

SERGEY V. KHOMYAKOV – Candidate of Historical Sciences, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Russia, Ulan-Ude (khomyakov777@yandex.ru).

Формат цитирования: Хомяков С.В. Образ уставщика в документах властей и описаниях исследователей старообрядчества Бурятии (конец XIX – начало XX века) // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 166–175. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-166-175.